

КОГДА разговор зашел о литературе, Ираклий Луарсабович Андроников, между прочим, сказал:

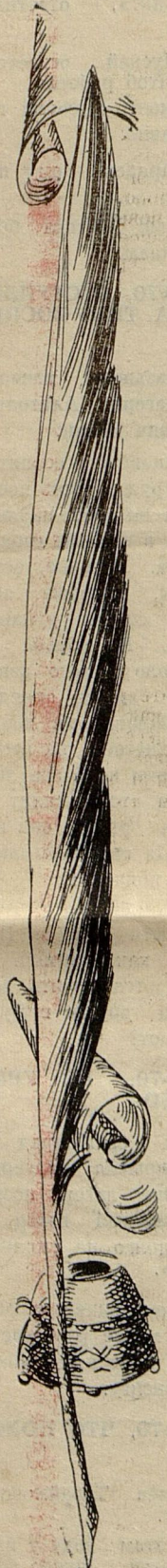
— **Иные писатели открывают всем давно известное — пишут так, будто до них никакой литературы не было.**

Мне надо рассказать об Андроникове. А как это сделать, не повторять «всем давно известное»? Все знают, что Андроников — выдающийся исследователь творчества Лермонтова, доктор филологических наук, замечательный искатель литературных сокровищ. Писатель Андроников — автор не только многих книг и устных рассказов, обладающий поистине уникальной способностью «влезать в шкуру» изображаемого лица, добиваться не просто поразительной «похожести», но и глубокого проникновения в психологию, в образ мыслей героя... Стоп! Хватит. Это действительно всем известно.

А знают ли молодые читатели, каким был Андроников лет тридцать назад?

Ираклий АНДРОНИКОВ:

СЛУШАЙТЕ, ИЩИТЕ, УЗНАВАЙТЕ!

АНДРОНИКОВ был веселым. Очень веселым. И рассказы его были такие же молодые и веселые, как сам автор. «Первый раз на эстраде», «Трижды обвенчаны», «В гости у дяди», «Телерадиотелевизионный», «Борис Пастернак разговаривает по телефону», рассказ о том, как Качалов приезжает в гости к Алексею Толстому. И еще один — название забыл, а содержание помню хорошо: старичок-пушкинщик педантично «репарирует» первые строки «Медного всадника». Он слегка подсюсюкивает и слово «Пушкин» произносит так: «Пушккин». Выходило очень смешно. И вообще в коммандитории МГВ, где любил тогда выступать Андроников, царил веселье. Зал ржал и грохотал. Люди смеялись, смеялись, еще успевая переводить дыхание.

Следует оговориться: я сам тогда был мальчишкой, и это, возможно, помешало мне воспринять глубину содержания рассказов Андроникова, а не только их яркий юморизм. И все же общая радость, озорная атмосфера тех вечеров запомнилась четко. Шедший молодой талант открывал публике необыкновенные возможности перевоплощения: вот перед вами музыковед Солдатовский, а через мгновение уже дирижер Фриц Штидти...

Совсем недавно мне представилась возможность особенно явственно уловить это загадочное андрониковское мгновение. В кассе зала имени Чайковского постучались достать билет на его вечер во второй ряд партера.

Рассказ назывался «Четыре часа из жизни Блока». Почти весь он шел от лица известного писателя Всеволода Иванова. Иранто охарактеризовал рассказчика, Андроников следил за маленькой паузой, и тут и из своего второго ряда хорошо разглядел, как кончик его носа приподнялся, лицо как-то округлилось, глаза стали близорукими. Это был уже не Андроников, а Всеволод Вячеславович Иванов, каким я не раз видел его в Центральном Доме литераторов.

Хорошо актер! У него есть мощная, опытная художник-гример. Есть под руками все парики, накладные, толщинки. Он может перевоплотиться перед зеркалом хоть час, хоть два. Перевоплощение Андроникова произошло в какую-то долю секунды. У меня тогда возникло чувство сопричастности к чуду. Как у тех мужиков и баб, которым поны показывали плачущую икону. Только там — обман, а здесь — без обмана.

СЕГОДНЯШНИЙ Андроников — у всех на виду и на слуху — у читателей, радиослушателей, телезрителей. И дайте вместе подумаем: чем же он отличается от того, прежнего?

Искусством перевоплощения он

владеет еще более виртуозно. Чтобы «показать» человека, ему достаточно одного выразительного штриха, одной фразы, жеста. Так он «показывает» Шаллину, Блока, Есенина, Шкловского, итальянского певца Гуальфи. А иногда звучат обширные диалоги и монологи. С их помощью воссоздаются Остужев, Алексей Толстой, Маршак и по-прежнему великодушный и неуязвимый Иван Иванович Солдатовский.

Так в чем же новизна? А в том, что как-то незаметно появился еще один герой. Его зовут Ираклий Луарсабович Андроников. Тогда, тридцать лет назад, он держался в тени — его заслоняли фигуры выдающихся личностей вроде Алексея Толстого или Пастернака. А теперь он как бы приблизился к ним и заговорил не только чужим, но и своим собственным голосом.

Конечно, это «выдвижение» произошло не сразу. Оно началось в сокровищах и пятидесятые годы, когда с эстрады (а впоследствии и по телевизору) прозвучали «лермонтовские» и «пушкинские» рассказы Андроникова: «Загадка Н. Ф. И.», «Портрет», «Подпись под рисунком», «Григорьевская находка», «Личная собственность», потом «Сокровища замка Хохберг», «Сестры Хауф», «Принцесса Носауская» и другие.

Здесь автор предстал перед нами в новом качестве: проницательного исследователя, разведчика литературных «кладов», серьезного ученого, «литературовед-исследователь» рассказы Андроникова не менее занимательны, чем «портреты». В них тоже рассыпаны блестящие великодушные юмор. Но «соль» рассказа уже не только в передаче характера, манер, речи определенного лица (хотя и это есть), а в пафосе научного поиска. Это проницательное исследование, тут ли не детектив, но обогатившее высокую патристическую целью — открыть для Родины новые литературные сокровища, обогатить науку.

Пожалуй, вершина «литературоведческого» цикла Андроникова — «Григорьевская находка». Здесь он с какой-то необыкновенной силой выразительности раскрыл перед слушателями (а их благодаря телевидению были миллионы) трагедию последних дней и гибели Пушкина.

Глубоко драматические ноты появились и в «портретных» рассказах. Один из таких, давних и любимых, — «Певцов». Можно показывать актерам-звездам, достичь рекордных комических эффектов. Но Андроникову это не интересно. Он бережно обоянает душу актера, вводит нас в его внутренний мир и не боится тащиться в нем горечи, противоречий, мучительного недовольства собой...

В этом и других рассказах («О Сергее Есенине», «Четыре часа из жизни Блока», «Беседа генерала Чанчибадзе с бойцами полковника», «Земля Лермонтова») автор предстает перед нами глубоким психологом и сердцеведом.

«Сергей Есенин» — монолог Всеволода Иванова о своем друге, начинался с ярких, веселых эпизодов.

Есенин получил большой гонорар и собирается в родные места. Вместе с Ивановым ходит по магазинам и «оптом» закупает гостинцы для земляков: пиджак, ситец, керосиновые лампы. Появляется, между прочим, и огромная бочка с керосином, которую они сначала с превеликим трудом провозят на пятый этаж в есенинскую квартиру, а потом сбрасывают в окно. Смешно. Но одновременно и грустно. Притворяется перед нами мятущаяся душа поэта, его неустроенность, непрактичность и щедрая доброта. А кончается рассказ шепотом, чтобы перевести все закупленные гостинцы, нужна фантастическая сумма. Стоит на площадке вагона поныкший Есенин, без гостинцев, без копейки денег, и провожает его один только друг.

Сегодняшний Андроников не утрачивает ничего из прежних богатств. Но он неизмеримо приумножил их. Улыбка художника стала мудрой.

И здесь мы подходим к самому главному слову. В сущности это слово определяет содержание нашей беседы с Андрониковым, хотя в самой беседе оно, кажется, ни разу не было произнесено.

Это слово (длинное, громоздкое, но такое емкое) — **самоусовершенствование**.

ЛЕТ ДЕСЯТЬ назад в «Московском комсомольце» была опубликована корреспонденция из Тбилиси. В ней описывались достопримечательности города, в том числе старинные бани, о которых, как сообщал автор, «писали еще Пушкин и Лермонтов».

Через несколько дней в редакцию пришла письмо от одного дотошного пенсионера: «Пушкин о банях в Тифлисе писал, это точно. А Лермонтов — нет. Здесь у вас ошибка вышла».

«Кто же прав?» — автор статьи или пенсионер? Неужели, чтобы установить это, придется перечитывать все Лермонтова?

— Позвоним Андроникову, — предложил кто-то.

Позвонили. К телефону подошла дочь.

Ираклий Луарсабович очень занят... А какое у вас к нему дело? Лермонтов?.. Тифлисские бани?.. Минутку.

Не прошло и двух секунд, как в трубку послышался знакомый голос Андроникова.

— Писал ли Лермонтов о банях в Тифлисе? Конечно, писал. В письме к Раевскому. И тут же на память процитировал: «Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные; а что здесь истинное наслаждение — так это татарские бани».

Мне вспомнился Иван Иванович Солдатовский. Тот, если верить Андроникову, знал наизусть Полное собрание сочинений Гоголя и многие другие сочинения — литературные, музыкальные и ученые...

А ведь Лермонтов — главная, но не единственная научная «страсть» Андроникова. Есть еще Пушкин, Грибоедов, Гоголь, Чавчавадзе, музыканты, современные писатели и поэты...

Хоча над незадачливым героем рассказа «Первый раз на эстраде», мы как-то не вдумываемся в суть дела: ведь тот, затесавшийся до невозможности, конфузливый, заикающийся, не знающий, куда руки деть, «лектор» и блистательный одитор Ираклий Андроников — одно и то же лицо! Рассказ не выдуман, в основе его правда. Так какая же продана титаническая работа по самоусовершенствованию, самовоспитанию, переделке собственной натуры и характера!

Застенчивый и косноязычный когда-то юноша ныне председательствует и произносит речи на огромных многотысячных народных митингах во время пушкинских торжеств в Михайловском. Он ведет ответственные юбилейные заседания. Он заставляет смеяться буквально миллионы людей, которые, отложив самые срочные дела, собираются у телевизоров, чтобы послушать Андроникова.

А может быть, все это — от бога? Талант и все тут. Нет! Любый талант надо совершенствовать, развивать. Только непрерывный, целеустремленный, каждодневный труд...

О наличии такого труда я подозревал и до этой беседы с Андрониковым. Но вот в чем он заключается? Не терпелось расспросить об этом.

НО ПОЛУЧИЛОСЬ так, что в начале нашего разговора рассказывать пришлось мне. Ираклий Луарсабович заинтересованно расспрашивал об одном театральном «поиске», косвенно связанном с его «остужевским» циклом. Я начала краснеть и путался, увиливая в душе своему крайнему нахальству: как это вообще и осмеливаюсь что-то рассказывать в присутствии Андроникова? Но... слушал он так внимательно, в глазах был такой неподдельный интерес, что мне удалось сравнительно благополучно довести свою историю до конца. И тут, еще не задав так мучивших меня вопросов, я уже понял один из «секретов» мастерства Андроникова.

Он начинается с умения слушать. Вслушивая в себя не только содержание сказанного, но и схватывая ход мыслей, манеру речи собеседника. Дальнейший разговор подтвердил мою догадку. Но это было потом. А сначала я спросил:

— Что вы думаете о возрастающей тяге молодежи к творчеству? Растут как грибы самодеятельные студии, кружки, оркестры. Поток стихов в газеты, Гитлер в подвездках... — До войны в комсомольском доме на Муссовской жил старый дирижер антифашист Оскар Фрид.

Мне запомнилась одна его давняя статья в газете «Советское искусство». «Мои родители, — писал он, — были превосходными музыкантами. Отец немного играл на флейте, а мать умела слушать музыку».

Однажды делая за полночь, я возвращался из одного гостеприимного дома в Ленинграде вместе с другим знаменитым дирижером — Фрицем Штидти. Тишина и безлюдье располагали к откровенности.

— Если, — сказал я, — человек 23 года, он изучил теорию музыки, гармонично, неплохо знает музыкальную литературу — может ли этот человек стать дирижером? — Он хотел этого? — Да, мечтал!

— Можете. Но... Если он — не вы.

И, словно в утешение, добавил: Вы умеете слушать музыку. Таких людей меньше, чем тех, кто умеет водить сычком.

Хорошо, когда немного умеешь сам рисовать или играть на скрипке, ты тогда лучше понимаешь, как это трудно. Только профану кажется, что это легко и что можно сразу стать знаменитым. Так еще не бывало.

Очень важно представлять себе истинные размеры своих познаний и помнить о том, как еще много ты должен узнать...

Границы познания беспредельны. А увлечение накоплением знаний — это тоже высокое творчество.

КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ — дело полезное. Мы еще об этом поговорим. Мы еще об этом поговорим. Мы еще об этом поговорим.

Мы еще об этом поговорим. Мы еще об этом поговорим. Мы еще об этом поговорим.

Мы еще об этом поговорим. Мы еще об этом поговорим. Мы еще об этом поговорим.

Мы еще об этом поговорим. Мы еще об этом поговорим. Мы еще об этом поговорим.

Мы еще об этом поговорим. Мы еще об этом поговорим. Мы еще об этом поговорим.

Мы еще об этом поговорим. Мы еще об этом поговорим. Мы еще об этом поговорим.

Мы еще об этом поговорим. Мы еще об этом поговорим. Мы еще об этом поговорим.

Мы еще об этом поговорим. Мы еще об этом поговорим. Мы еще об этом поговорим.

щаемся, умнее и тоньше, нежели о ней думают любители облегченных и упрощенных форм творчества. И те, кто подходит к читателю, зрителю, слушателю со всем богатством своих мыслей и чувств, по-моему, никогда не бывают в проигрыше. Но мы отвлеклись от темы...

— Да. Не кажется ли вам, что в основе коллекционирования лежит стремление охватить предмет в целом, получить наиболее полное представление, скажем, о монетах данной эпохи или о книгах по определенной отрасли знаний?

— Правильно. Только это стремление не всегда осознано.

Тот, кто собирает открытки, значки, монеты, еще может надеяться найти нечто новое, неизвестное другим коллекционерам, интересное для музея и даже для науки. Коллекции советских марок, как бы полны они ни были, не превзойдут собрания Министерства связи СССР. И тем не менее польза коллекционирования для меня несомненна: тренировка внимания и памяти, закалка характера и воли, воспитание целенаправленных чувств. Кроме того, это самый лучший вид отдыха — когда отдыхающий трудится.

Любой истинный коллекционер заслуживает поддержки. Начав с малого, он, подобно профессору Ивану Никаноровичу Розанову, может создать ценное собрание. Розанов оставил коллекцию всех поэтических книг, изданных когда-либо на территории России. Библиотека его уникальна в самом высоком смысле слова. Такого собрания русских книг в стихах нет ни в одной библиотеке мира.

Вдова Розанова Ксения Александровна Маршцкая подарила собрание Государственному музею А. С. Пушкина. Эта коллекция — подвиг жизни ученого. Поступок его жены тоже подвиг. Этой замечательной женщиной руководили интересы культуры. И она подарила обществу то, что не имеет цены.

Что после этого скажет, что коллекционирование бесполезно? Все дело в том, как и для чего коллекционировать.

Если ты собираешь коллекцию с тем, чтобы после тебя она пошла в руки, в рюкзак и на продажу обогащаться спекулянтами, — твой труд напрасен.

Истинная цель собирателя — создать ценность общественную, внести свой вклад в культуру своего района, города, области, страны.

Ленинградский искусствовед Николай Спирidonович Тагирин с детства лет собирал художественные открытки. Теперь в его коллекции более 650 тысяч экземпляров. Тагирин заведает ее государству, а государство взяло коллекцию под охрану. К Николаю Спирidonовичу обращаются за консультацией и помощью художники, работники кино, историки. Мы были бы беднее без этой коллекции.

Убежден, подлинным коллекционером может стать всякий, кто видит в собирательстве не забаву и не способ наживы, а цель высокую. Если, приобретая вещь, он заботится не о том,

чтобы затем продать ее подороже, а наоборот, готов расстаться с последней копейкой, дабы пополнить свое собрание, и хочет принести пользу обществу, — это коллекционер подлинный.

Увы, есть люди, которые под видом собирания занимаются перепродажей ценностей. Гоните их из своей среды! Между коллекционированием и спекуляцией ничего не должно быть общего.

Но есть и другие способы приложить свои творческие силы, знания, энергию. Можно искать факты и документы, имеющие значение для истории.

Лично я ничего не коллекционирую. Однако ищу сам и других призываю искать литературные и художественные сокровища, используя все доступные средства — печать, телевидение, радио. В ответ на свои выступления я получил тысячи писем. Люди шлют рукописи, книги, портреты, фотографии. Некоторые из полученных документов способны пролить новый свет на биографию и творчество великого человека. Реально все я передаю в государственные архивы, хранилища и музеи.

По собственному опыту знаю: нет ничего интереснее и увлекательнее таких поисков. Они требуют оптимизма, терпения, обычно ищешь не год и не два! Одну рукопись — записки дальнего родственника Лермонтова Веры Анненковой, которая знала и Пушкина, — я искал 26 лет. А когда нашел, стало даже немного досадно: сами поиски были не менее увлекательны, чем их результат.

Искать (и находить!) можно везде. Историю улицы, села и города, где ты родился, никто не напишет лучше тебя. Надо разуваться, что за люди жили на этой земле, что из них чем прославился, какой след оставил. Ищи документы, портреты, записывай в тетрадку факты — все пригодится. Надо искать, пока многое не исчезло бесследно.

Это дело нужное и важное не только для общества, но и для тебя самого. Постепенно ты становишься краеведом. Место, где ты живешь, обретает новые измерения во времени, ты узнаешь его прошлое, начинаешь глубже разбираться в настоящем, лучше представляешь будущее.

Трудно начать, когда ты еще ничего не выбрал, когда тобой много дорог, и ты не знаешь, за что принять. Но стоит только ухватиться за нить, и ты начнешь быстро накапливать знания и навыки.

Лучше всего читается, смотрится, ищется, когда ты стремишься поделиться увиденным и услышанным с другими, торопишься отдать свои знания, когда ясно, что ты ищешь и для чего...

ИРАКЛИЙ Луарсабович смеется на часы. Разговор становится задатком, и тут я решаюсь, наконец, задать вопрос, который давно вертится на языке:

— А как вы это делаете? Как происходит перевоплощение Андроникова в Маршак, Алексея Толстого, Остужева?

— Медленно. Иногда годами. Возникают сначала отдельные фразы, короткие реплики. Рассказывая домашним и друзьям маленькие эпизоды, постепенно они соединяются, расширяются, обустраиваются новыми подробностями... Но самое главное — это понять ход мысли моего героя. Если я овладею им, то могу действовать и говорить «за» Маршак или Фадеева в любых обстоятельствах... На этот счет было много смелых историй. Недавно сидим в автомобиле, ждем одного поэта.

— Ну-ка, Ираклий, — сказал кто-то, — вот сейчас он войдет, — что он скажет?

Я произнес его голосом фразу. И тут же вошел он сам и сказал ту же фразу и с той же интонацией...

Бывает, что в сложных обстоятельствах мне помогают мои «герои»... Это было уже давно: пришлось мне впервые председательствовать на совещании в бюро пропаганды Союза писателей. Опыта никакого. Боюсь показаться смешным. И действительно, начал путаться, терять нить разговора... И тут я подумал: а как бы на моем месте действовал Фадеев?

Встал и решительно произнес: — Все, что вы здесь говорили, это неправильно. Забудьте об этом. Надо сделать то-то и то-то. На лицах присутствующих я увидел явное облегчение...

Вот говорит — импровизация. Но импровизация удается только тогда, когда хорошо знаешь, о чем ты должен сказать. Неготовый текст готового выступления — вот что такое импровизация. Если четко знаешь, чего хочешь, тогда не придется мучительно подбирать слова...

ВСПОМНИЛОСЬ вдруг название повести Честертона «Человек, который был четвергом». А про Андроникова можно сказать: «Человек, который был Маршанком». Остужевым, Фадеевым, Пастернаком. Но ведь это не может пройти бесследно! «Понять ход мыслей героя»... Поймешь ход мыслей — и приблизишься к мудрости, жизненному опыту, нравственной высоте великого человека.

Да, Андроников уникален. Нам с вами не «влезть в шкуру» другого. А впрочем... Когда мы внимательно вчитываемся в уминую книгу, задуемся перед картиной, слышим слово живописца, слушаем великую музыку — разве мы не проникаем чуть немого в душу художника? Разве не становимся хоть немного чище, добрее, мудрее?

И снова я повторяю это длинное корявое слово — **самоусовершенствование**. И снова мысленно возвращаюсь к тому, с чего начал нашу беседу Андроников: «...к умению видеть, слышать и понимать искусство».

Б. ЕВСЕВ.